ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 316+82-92

М.В. Ломоносова, Д.И. Васильева, Н.В. Козловский, А.И. Агеева
Санкт-Петербург

ПОХОРОНЫ МАКСИМА МАКСИМОВИЧА КОВАЛЕВСКОГО. НЕКРОЛОГИ И ПОСМЕРТНЫЕ СООБЩЕНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ* **

Цитирование: *Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И.* Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях // *Наследие*. 2019, № 2(15). – С.146–163.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.11>

Citation: *Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageyeva A.I.* Pohorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v perio-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

** Окончание. Начало см. в журнале «Наследие» № 1(14) за 2019 г.

dicheskoj pečati kak istochnik informacii v istoriko-sociologičeskikh issledovanijah [The funeral of M. Kovalevsky. Obituaries and reports of his deaths in the periodical press as a source of information in historical and sociological research] // Nasledie [Heritage] 2019, No. 2 (15). – pp.146–163.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.11>

Статья посвящена классику российской социологии – Максиму Максимовичу Ковалевскому. Обращение к архивным документам, некрологам и посмертным сообщениям в периодической печати как источникам информации о научной, политической и общественной деятельности М.М. Ковалевского позволило актуализировать тему меморизации исторической памяти. В статье продемонстрированы эвристические возможности историко-социологических исследований.

Ключевые слова: история российской социологии, Максим Ковалевский, Питирим Сорокин, Василий Розанов, периодическая печать, исторический архив, историческая память, похороны.

Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageyeva A.I. The funeral of M. Kovalevsky. Obituaries and reports of his deaths in the periodical press as a source of information in historical and sociological research

The article is devoted to the most influential Russian sociologist - Maxim Kovalevsky. Learning archival documents, obituaries and posthumous publications which immediately followed his death in the periodical press as a source of information on the scientific, political and social activities of M. Kovalevsky allowed researchers to actualize the importance of historical memory. This article demonstrates the heuristic possibilities of historical and sociological research.

Key words: history of Russian sociology, Maxim Kovalevsky, Pitirim Sorokin, Vasilii Rozanov periodicals, historical archives, historical memory, funeral.

Уход из жизни Максима Максимовича Ковалевского 23 марта 1916 г. всколыхнул общественную жизнь Петрограда. Во время похоронной церемонии прощания были перекрыты центральные улицы города, поскольку проводить его в последний путь пришли очень многие: студенты, политики и ученые. Несмотря на то, что открытой демонстрации после похорон не было по причине усиленного надзора со стороны конной и пешей полиции, в отдельных учебных организациях и кружках прошли собрания, на которых обсуждалась не только смерть Ковалевского, но и общественно-политические проблемы. Но что самое главное, это трагическое событие послужило катализатором для открытой дискуссии на страницах центральных газет «о доброй христианской кончине» М.М. Ковалевского. Безусловно, авторов многочисленных газетных публикаций на эту тему интересовало не только простое и понятное многим желание М.М. Ковалевского исповедоваться и причаститься Святых Тайн перед уходом из жизни. Повышенное внимание к этому событию было обусловлено состоянием глубокого мировоззренческого кризиса российского общества, и фигура М.М. Ковалевского в этом отношении была выбрана не случайно: ученый-позитивист, либерал, радикал-западник, приглашающий перед лицом смерти для исповеди и причастия священника. С точки зрения современного мировоззрения XXI в. с его признанием относительности и случайности любых ценностей и смыслов, где основными регуляторами человеческой деятельности и жизни выступают массовая

№ 2 (15) (2019)
«Наследие»

культура и общество потребления, этот поступок умирающего М.М. Ковалевского вряд ли бы удостоился такого пристального внимания. Но, с точки зрения его современников, он заслуживал общественного обсуждения на страницах газет и журналов в русле дискуссии о важных социально-политических и идеологических проблемах российского общества, стоявшего в 1916 г. буквально на пороге величайших трансформаций в его истории.

«Биржевые ведомости»

Столкнувшись с тем, что даже такие консервативно настроенные газеты как «Колокол»^{1*} и «Биржевые ведомости»^{2*}, казалось бы, ведущие на своих страницах объективную хронику столичной жизни, стали использовать факт ухода из жизни и погребение М.М. Ковалевского по канонам Русской православной церкви в своих целях – для укрепления своих позиций в обществе, Питирим Сорокин 29 марта 1916 г. публикует в газете «Биржевые ведомости» открытое письмо, посвященное уходу из жизни своего учителя. А предшествовала этой публикации отдельная статья в «Биржевых ведомостях» в которой был представлен полный отчет о погребении М.М. Ковалевского, причем акцент в ней был сделан на возвращение М.М. Ковалевского в лоно церкви:

«...Гроб вносят в церковь, устанавливают на катафалк. Церковь вся убрана тропической зеленью. Публика допускается по билетам. Здесь присутствует весь общественный, политический и журнальный мир столицы. Началась заупокойная литургия. Попеременно поют три хора: Семеновского полка, хор учащихся в высших учебных заведениях и хор местной церкви. После заупокойной литургии настоятель Симеоновской церкви произносит слово, посвященное памяти покойного. Священник Бычков^{3} передает о последних днях в жизни М.М. Ковалевского, когда покойный профессор пригласил его, как настоятеля местной церкви, для исповеди и причащения. М.М. Ковалевский проявил особую религиозность и в двух словах дал яркую характеристику своего душевного настроения. “Я Вас пригласил, – говорил М.М. Ковалевский, – чтобы Вы молились вместе со мной за мать нашу – православную церковь”. По окончании заупокойной литургии началось отпевание. Среди многочисленного духовенства на отпевание вышел и ректор Петроградской духовной академии епископ Анастасий^{4*} ...» [Похороны..., 1916, с.4].*

Очевидно, что слова священника Быčkova о том, что М.М. Ковалевский в последние дни своей жизни проявил особую религиозность, не могли оставить равнодушными многих друзей и коллег ученого, но можно только предполагать, почему именно П. Сорокин принял решение опубликовать открытое письмо по этому вопросу. Для понимания дальнейшей дискуссии, развернувшейся на страницах газет, приведем полностью текст этого письма.

«Исповедь М.М. Ковалевского (Письмо в редакцию)

Грустно, когда тот или иной поступок умершего делают орудием для тех или иных целей, хотя бы и весьма высоких. Вдвойне грустно, когда это делается не без искажения истины или же приемами, близкими к нарушению профессиональных тайн. Лица, пользующиеся последней привилегией, могут при желании приписать

умершему все то, что они пожелают. Их трудно опровергать. Мог бы опровергнуть их умерший. Но он умер и из гроба не встанет...

Не обошлось без этих грустных фактов и при смерти М.М. Ковалевского. Таким орудием сделали факт его исповеди.

В силу этого я считаю не лишним передать факт исповеди М.М. Ковалевского так, как он происходил на самом деле.

Это было в воскресенье 20-го марта. М.М. Ковалевский, как и в предыдущие, так и в этот день, часто впадал в особое, я бы сказал, мечтательно-лирическое настроение. Он вспоминал свое прошлое – годы детства, ему вспоминался образ его матери, которую он горячо любил и о которой не раз восторженно отзывался и раньше.

В воскресенье днем он попросил, чтобы пригласили к нему священника. Это было сделано. Священник пришел и прошел в гостиную. Пробыв у него около 10–15 минут, он вышел и сказал нам, что больной хочет видеть свою мать.

Вслед за его выходом я зашел к М.М., чтобы узнать, посылать ли телеграмму в Харьков, которую он раньше, в ночь с 16-го на 17-е, передал мне. На мой вопрос он ответил положительно. Сидел он в это время прямо и выглядел довольно бодрым. Я, предчувствуя смерть, не выдержал, расплакался и, поцеловав его в лоб, вышел. Успокоившись, минут через 10, я снова вошел к нему. Он попросил пить. По его желанию и с разрешения врачей, ему дали икру и шампанское.

Он выпил и сказал, улыбаясь: “Кончаю самоубийством – ем икру и пью шампанское”, – и рассказал тут же инцидент с Белоголовым⁵ и Башкиным⁶, о котором я уже писал. Вслед за этим он попросил дать ему сигару: «Дайте сигару, покурю хоть в последний раз!». Я сказал, что сигару ему дать нельзя. Позже он об этом же попросил и сестру милосердия.

Вслед за этим, улыбаясь и в своем обычном полушутливом тоне, он спросил меня: “Скажите, очень ругают меня приятели за то, что я позвал священника?”. Я ответил, что друзья отнеслись вполне спокойно к этому факту. “Передайте им, – сказал он, – чтобы они не беспокоились. Я это сделал ради памяти моей матери”. Ни о загробной жизни, ни о церкви речи не было. Вот и весь факт, переданный мною по возможности точно, за фактическую правильность которого я отвечаю.

Предоставляю теперь читателю сделать из него свои выводы. Можно ли из них извлечь те заключения, которые частью устно, частью печатно в статье Меньшикова⁷ были сделаны, – ответ ясен. Я могу сочувствовать той цели, которую преследовала указанная “утилизация”, но не могу сочувствовать тем приемам, которые были пущены в ход для ее достижения. Истина должна быть превыше всего!

Питирим Сорокин» [Сорокин, 1916, с.2].

«Земщина»

Одной из первых на открытое письмо П. Сорокина откликнулась крайне правая монархическая газета «Земщина»⁸. Уже 30 марта в ней появилась статья «Высоко-прогрессивный секретарь».

Стоит отметить, что, несмотря на то, что по своему содержанию «Земщина» была общественно-политической и литературной газетой, на ее страницах высказыва-

«Наследие» № 2 (15) (2019) лись многие идеи, ставшие впоследствии неотъемлемой частью идеологии право-монархического движения. В своих статьях публицисты «Земщины» разоблачали антирусскую деятельность революционеров и либералов [Гаврин, 2011]. Редакция «Земщины» в последние годы своего существования старалась всячески подчеркнуть, что она находится в тесном взаимодействии с правым флангом российского парламента [Стогов, 2011, с.104]. Поэтому в статье-отклике на письмо П. Сорокина редакция газеты делает акцент именно на том факте, что «господин Сорокин, живя в православном христианском государстве, имеет возможность опубликовать в газете подобные сообщения», подчеркивая, что, несмотря на самодержавие, граждане обладают определенными политическими свободами, в том числе – свободой слова.

«Высоко-прогрессивный секретарь»

Господин Питириим Сорокин, никому доселе неизвестный секретарь только что умершего М.М. Ковалевского, нашел способ прославить свое имя выступлением в защиту своего бывшего патрона от “недостойных” предположений, будто М.М. Ковалевский перед смертью примирился с Церковью и исповедовался, с каждым понятным, чувством благоговения.

Питириим Сорокин пишет в “Биржевке” письмо, в котором всячески пытается уверить, что М.М. Ковалевский потребовал священника “так себе”, будучи в “мечтательно-лирическом настроении” ... Сначала – священника, потом – сигару.

По уходу священника он рассказал какой-то анекдот о Башикине, потом сказал: “Дайте сигарету, покурю хоть в последний раз!” Я сказал, что сигару ему дать нельзя. Позже он о том же просил и сестру милосердия <...> Ни о загробной жизни, ни о Церкви речи не было. Вот и весь факт, переданный мной по возможности точно, за фактическую правильность которого я не отвечаю.

Так говорил Питириим Сорокин. Но неважно, в сущности, то, как исповедовался и для чего М.М. Ковалевский, уже дающий в этом ответ перед Судом Божиим. Но гораздо важнее то, что господин Сорокин, живя в православном христианском государстве, имеет возможность опубликовать в газете подобные сообщения и никто ему в этом не препятствует.

Были, стало быть, и у М.М. Ковалевского такие “друзья”, которые за его желание умереть христианином, – могли “ругать” его!?

А эти господа тоже – православные!...» [Высоко-прогрессивный..., 1916, с.2].

Статью «Высоко-прогрессивный секретарь» П. Сорокин оставил без отклика, тем более что было непонятно, кто являлся ее автором, – она была без подписи. Несколькими днями позже газета «Земщина» публикует уже более развернутую статью «Перед лицом смерти» за подписью Е.К.*

«Перед лицом смерти»

На этих днях случилось одно событие, скончался член Государственного Совета проф. М.М. Ковалевский. Это был вождь и столб русского “освобожденчества”, причем “освобождение” понималось им, как и той радикальной фракцией французской профессуры, к которой они примкнули во время своего долговременного пребывания во Франции, – освобождением прежде всего от “уз” религии. Свободный от религиозных “предрассудков” ум являлся на взгляд проф. Ковалевского первым тре-

* Расшифровать инициалы в рамках настоящей статьи не удалось.

бованием от каждого деятеля. Внеконфессиональность государства, достигнутая Францией его единомышленниками отменой христианства, как государственной религии, – считалась им необходимым условием развития государства и страны. Служению пером и делом распространению именно этих взглядов и посвятил М.М. Ковалевский свою жизнь. Но смерть его была отрицанием жизни. Перед раскрытыми воротами вечности он припал с мольбой о прощении к алтарю, разрушить который в прах было задачей его жизни. Поражать и удивлять нас это не должно. Горек смертный час для враждующих с Богом. Давно-ли на наших глазах величайший христоненавистник Толстой*, в беспредельной гордости своей мечтавший на место учения “Сына Вифлеемского плотника” поставить свое собственное, – давно ли он в мучительном предчувствии этого смертного часа, тайком бежал из дома под покров православного монастыря, надеясь там найти спасенье от душевной муки. Но сеющие ядовитое семя сами гибнут от его плодов. Злоба к Церкви, ненависть к алтарю, посеянная и взращенная Толстым в сердцах его близких, стеной встала между ним и порогом Церкви. И... есть-ли что-нибудь более жалкое и более ужасное смерти Толстого под неослабным караулом из последователей, ставших его тюремщиками, людей и этой могилы “без креста и без ладана”, которую к тому же близкие умершего придумали продать с публичного торга, и если не продали, то лишь потому, что на такой странный “товар” не нашлось покупателей.

М.М. Ковалевский был счастливее. Его не устерегли друзья и последователи. Его старческие уста припали к Св. Чаше с мольбой. “Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живого, пришедший в мир грешных спасти, от них же первый есмь аз”.

И он ушел в иной мир, на суд к Богу; расплаты со своими друзьями и соратниками здесь он избежал. А какова была-бы расплата можно судить по той буре злобы, какую подняло в левой печати сообщение о том, что Ковалевский перед смертью пригласил к себе священника и приобщился к Св. Тайне. Чтобы утишить эту бурю, секретарь Ковалевского выступил с заявлением, будто умирающий заявил ему, что он пригласил священника только лишь памяти матери. О примирении с Церковью, о загробной жизни и речи не было.

Чтобы судить каково это “оправдание”, припомните слова молитвы, которые произносит каждый приступающий к Св. Причащению “Не лобзанье Ти дам, як Иуда, но яко разбойник исповедую: Помяни Мя Господи”. По объяснению секретаря, Ковалевский приступил к Чаше, как Иуда, и глядя уже в глаза смерти.

Яко разбойник исповедую: Помяни Мя Господи... Значит Ковалевский приступал к Чаше, как Иуда, и лгал, лгал в последний предсмертный час. Не ужас ли это? И так “оправдывают”!! Каким нравственно падшим значит должен быть Ковалевский, если то, что говорят “друзья” его, – правда.

И еще на одно обстоятельство стоит обратить внимание. Зачем правые газеты присваивают себе роль каких-то привилегированных охранителей православия – писало в желтоблочной газете одно духовное лицо – как будто люди других лагерей, других убеждений не являются преданными сынами Церкви Православной. Действительно, посмотрите на “Биржевку”, “День” и прочие желтоблочные га-

* Под влиянием религиозно-философского учения Л.Н. Толстого в 1880-х гг. в России возникло религиозно-этическое общественное течение – толстовство.

«Наследие» № 2 (15) (2019) зеты – ежедневно на столбцах их самые горячие рассуждения о необходимости тех или иных реформ для пользы и нужд Церкви Православной. Как же не подумать, что тут заботятся и тревожатся о ней люди преданные ее интересам. Но... Посмотрите, как переполошилась вся эта пресса, какую бурю в ней подняло сообще-ние, что Ковалевский приобщился к Св. Тайне. Смотрите, как беснуются, на стены лезут все эти, “преданные сыны” Церкви Православной. Смотрите и излечитесь от своей наивности, будто Пропперы^{9*}, Кугели^{10*}, Гессены^{11*} могут предоставлять свои газеты защите интересов Церкви, а их наемники быть ее друзьями.

Е.К.

Примечание редакции. Подобно Толстому и М.М. Ковалевскому, ярким гонителем христианства был и Вольтер*, прославленный масонами на весь мир. Однако и он, расставаясь с жизнью, на смертном одре призвал священника и покался в своих заблуждениях... Видимо, перед смертью совесть пробуждается, и гонители Бога возвращаются к нему...» [Е.К., 1916, с.2–3].

Казалось бы, после этой статьи все разговоры «о причастии Ковалевского» долж-ны были бы закончиться, т.к. письмо П. Сорокина и его позиция по этому вопро-су были подвергнуты жесткой критике со стороны консервативных кругов, но, во-преки этому, дело приняло совершенно иной оборот. К спору примкнул настоятель храма святых Симеона и Анны, священник Сергей Бычков, которого и пригласил к себе умирающий М.М. Ковалевский. Он опубликовал в газете «Новое время»^{12*} свое письмо, в котором подробно рассказал о деталях беседы с М.М. Ковалевским. Это письмо подхватили и напечатали на своих страницах многие консервативно на-строенные газеты, в том числе и «Земщина».

«Письмо священника

“Новое время” получило следующее письмо в редакцию:

Около трогательного желания М.М. Ковалевского незадолго до смерти испо-ведоваться и причаститься к Св. Тайне, в некоторых органах печати поднят не-пристойный шум, с целью извратить этот факт и дать ему несоответствующее освещение. Ввиду этого я, как напугтовавший покойного, считаю своим долгом рассказать печатно все те внешние подробности относительно исповеди и при-чащения Максима Максимовича, которых я был свидетелем и которые проливают яркий свет на глубокий внутренний процесс, пережитый покойным перед смертью.

В воскресенье, 20 марта, в начале пятого часа вечера, я был спешно вызван к больному. Когда я вошел в комнату, где сидел больной, и издали поздоровался с ним, Максим Максимович, радостно взглянув на меня, протянул мне руку, и когда я подал ему, он взял ее и поцеловал. Вскоре все необходимые приготовления мною были закончены, не подавали только почему-то воды, о чем я уже просил. Я взял требник и стал отыскивать нужные молитвы: в эту минуту Максим Макси-мович Ковалевский, внимательно следящий за всеми моими действиями, сказал мне: “я хочу мать”. Эти слова больного я понял в смысле объяснения тех побуждений, по которым он попросил к себе священника, именно в смысле желания покойного, предчувствующего смерть, обратиться к матери-церкви, представитель которой стоял перед ним, и я сделал знак головой, что понимаю его.

* Согласно свидетельству современников, перед смертью Вольтер хотел пригласить к себе священ-ника, но его свободомыслящие друзья не позволили это сделать. Умирая, он кричал: «Я покинут Богом и людьми. Я пойду в ад. О, Христос! О, Иисус Христос».

Однако тут же у меня зашевелилось сомнение, правильно ли я понимаю слова больного, не просит ли он к себе свою мать, и я, выйдя в соседнюю комнату, чтобы еще раз попросить себе воды, спросил у стоявшей тут дамы, жива ли мать Максима Максимовича; она мне ответила, что мать его уже давно умерла. В это время мне подали чашку с водой, я вошел к больному и обратился к нему с приглашением помолиться, на что больной выразил готовность движением головы. Когда я начал чтение положенных молитв, Максим Максимович твердым и довольно громким голосом, иногда предупреждая меня, повторял за мной все слова общеизвестных молитв, и затем после прочувственной исповеди, проникнутый желанием умереть православным христианином, при чем больной сам припоминал и называл некоторые грехи, он приклонил голову для получения отпущения грехов. Все слова молитвы перед причащением больной повторял вслед за мной и, как сейчас помню, с особенным ударением он произнес слова этой молитвы “во оставление грехов и жизнь вечную”.

Что чувствовал больной после Св. Причастия, какое внутреннее удовлетворение испытывал он в эту минуту, об этом можно судить по тому чувству, с каким он два раза меня поцеловал в первый раз, когда я поздравил его с причастием к Св. Тайне, и во второй когда уже прощался с ним. Впоследствии близкое к покойному лицо передало мне, что после моего посещения больной заметно успокоился и чувствовал себя бодрее.

Таковы фактические подробности исповеди и причащения Максима Максимовича Ковалевского, которые я могу публично сообщить; главные из них я отметил в своей речи перед отпеванием покойного.

Обращение перед смертью к Церкви знаменитого ученого, европейца по складу своей личности, видного вождя нашего радикализма – факт бесспорный и громадного значения; он неотразимо говорит, с одной стороны, о богатстве и чуткости души покойного, а с другой – о слабости распространенного среди наших интеллигентов мировоззрения, чуждого и даже враждебного религиозным основам Православной Церкви. Я понимаю, как неприятен этот факт односторонне настроенным поклонникам Максима Максимовича и как бы хотелось им сделать бывшее не бывшим. Но свести прекрасное, интимное движение души покойного, стоявшего на грани между жизнью и смертью, к какой-то бессмысленной комедии, в которой тяжело больной не только принял участие сам, но к которой привлек постороннее лицо и свою нежно любимую мать, это значит, ради достижения своих узких партийных целей, грубо оскорбить покойного и зачеркнуть в отношении к нему те принципы свободы совести и уважения к личности, которым он так служил при своей жизни.

Священник Сергей Бычков

Прим. ред. Устыдится ли после этого письма поторопившийся услужить жидам “секретарь” Питирим Сорокин? Или уже так заскоружла его совесть, что и стыду недоступна?» [Бычков, 1916, с.3].

Характерно, что письмо священника Сергея Быčkova, в котором описываются исповедь и причастие М.М. Ковалевского, было написано в эмоционально сдержанном стиле и не содержало в себе поношений учеников и последователей ученого и прежде всего П. Сорокина, хотя именно ему оно и было адресовано. Тогда как редакция «Земщины» снабдила публикацию письма своим оскорбительным комментарием в его адрес.

«Колокол»

Как было отмечено ранее, одной из первых газет, которая стала освещать уход из жизни М.М. Ковалевского, была петроградская газета консервативного направления «Колокол» [Ломоносова и др., 2019]. Поскольку М.М. Ковалевский был идейным антагонистом этой газеты, она предприняла попытку использовать его уход из жизни в своих политических интересах, перепечатав письмо священника Сергея Бычкова. После этого и на страницах «Колокола» развернулась идеологическая борьба с вовлечением коллег и учеников ученого. Одним из участников публичной дискуссии стал В. Рязанский^{13*}, опубликовав статью, в которой подверг резкой критики поступок П. Сорокина.

*«Не судите никак прежде времени» (1 Кор. 4,5)**

Этот апостольский завет вспомнился мне при чтении ниже помещаемого письма священника Сергия Бычкова, о предсмертном напутствии им недавно скончавшегося большого русского человека, – европейски известного ученого академика и общественного деятеля М.М. Ковалевского.

Этот, обычный в болезнях и в смертный час для каждого рядового сына Православной Церкви, священный акт в отношении почившего Максима Максимовича Ковалевского сделался своего рода знаменьем прорекаемым.

Когда стало известно о “доброй христианской кончине” Максима Максимовича, считавшегося главою и вождем русского интеллигентного радикализма, который в массе своей глубоко безбожен и безцерковен, то такой поступок вождя, как приглашение в предчувствии смерти к своему смертному одру священника для молитвы и последнего христианского напутствия, естественно, глубоко озадачил и смутил и даже как бы пристыдил радикальную кружковщину. Секретарь покойного, какой-то безвестный и, по-видимому, бестактный господин, печатно пытался перетолковать на страницах “Биржевых ведомостей” глубоко трогательный и поучительный поступок своего господина, объясняя его не религиозной потребностью, не предсмертными переживаниями русской глубоко верующей души просвещенного ученого человека, а чем-то вроде внешнего знака нежного памятования о любимой матери.

Священник о. Бычков этот оскорбительный для памяти почившего почтенного ученого выпад опроверг со всей определенностью, не допускающей ни малейшего сомнения и перетолкования, что напутствие было актом свободной, сознательной религиозной потребности души покойного Максима Максимовича.

И действительно, на глубокие размышления должна навести эта трогательная, добрая христианская кончина М.М., которого почему-то в широких церковных и правых кругах представляли неверующим ученым радикалом-западником, давно отказавшимся от всех родных традиций, и в частности считали “заядлым врагом” Церкви и ненавистником церковности, – “масоном” и “жидолобом”. Так часто отчитывала Максима Максимовича правая охранительная пресса <...> не отставал в свое время – каемся – и наш “Колокол”.

* В названии статьи использована выдержка из 1-ого послания к Коринфянам ап. Павла, Глава 4, стих 5: «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога».

Синодское издание, отмечая письмо о. Бычкова, не нашло ничего другого для своих читателей более важного, как упрекнуть газету, ратующую за реформу прихода, и в то же время помещающую оскорбительные для памяти почившего кривотолки “кагала” по поводу его христианской кончины.

А между тем, казалось бы, внимание обязательных читателей «Приход. листка»^{14*}, т.е. всей корпорации православного русского духовенства, надлежало остановить и на том, как нужно осторожно и бережно относиться архипастырям и пастырям к суждению и осуждению религиозных глубин веры интеллигентов своей страны. Здесь духовным пастырям, нужно именно руководствоваться премудрым заветом святого апостола: “прежде времени не судите никого”.

Ведь, вот, кто ожидал в церковных и в крайних правых политических кругах, что М.М. Ковалевский, казалось, этот “отпетый зловредный член Церкви”, вдруг перед очами смерти выявит такую глубину и искренность веры, отойдет в мир иной такой доброй христианской кончиной, которую дай Бог обрести всем нашим савонаролам и тем фарисеям, которые так чуждались “духовной проказы” Максима Максимовича?!

Как в 1910 г. на казанском миссионерском съезде <...> пресвящ. Гермоген^{15*}, громил “безбожных хлыстов” – корифеев русской литературы и философии, начиная с В.В. Розанова, требуя их отлучения от Церкви! А теперь тот же епископ не нарадуется доброму повороту религиозной мысли и чувства Василия Васильевича к Церкви...

Кто знает, может быть, если бы Св. Синод, во главе с митрополитом Антонием^{16*} не поспешили с отлучением от Церкви Л.Н. Толстого и если бы у одра умирающего больного великого писателя не были “духовные скопцы”, вроде фанатика сектанта Черткова^{17*} и К-о, может быть он с таким же покаянным чувством веры припал к груди своей матери-Церкви, как и вот это крупная научная величина, М.М. Ковалевский!...

Точно так же, как нужно быть духовным сферам осторожными в своих приговорах и об отношениях к Церкви общественных и государственных деятелей, хотя бы в те ответственные моменты, когда идет обсуждение церковных реформ <...>.

Только полунаука способна утверждать такую ересь, что будто бы вера в Бога, вера в бессмертие души, вера в загробную жизнь являются атрибутами реакции, отсталости и отвращения ко всему лучшему, к чему стремится человечество <...>.

А этот вот недавний ученый европеец и большой русский человек, с его доброй кончиной и живой верой в загробную жизнь служит порукой, что это именно так есть, так и должно быть.

Да будет вечная память высокопреосвященному мужу науки и честному и мужественному общественному деятелю и, явившему верность до смерти в своей любви к матери-Церкви, сыну Св. Руси!

В. Рязанский» [Рязанский, 1916, с.1].

В своей статье В. Рязанский не случайно не только обращает внимание читателей на общеизвестную позицию церкви по отношению к мировоззрению Льва Толстого, но и приводит в качестве «положительного» примера эволюцию взглядов Василия Розанова^{18*}. Именно с газетой «Колокол» активно сотрудничал В.В. Розанов,

«Наследие» № 2 (15) (2019)

который вел в ней специальную рубрику «Литературные беседы». В рамках этой рубрики В.В. Розанов часто вступал в полемику со многими писателями, философиями, поэтами и критиками с позиций собственного мировоззрения. «Литературные беседы», посвященные М.М. Ковалевскому, в этом случае не были исключением. В.В. Розанов написал под псевдонимом В. Ветлугин о нем развернутый очерк, вспоминая свои студенческие годы в Московском университете, где слушал лекции М.М. Ковалевского, между строк критикуя и М.М. Ковалевского, и его учеников, посещавших лекции М.М. Ковалевского в Санкт-Петербурге.

«Литературные беседы»*

М.М. Ковалевский

Я помню его молодым и шумным в Московском университете 1878–1882 годов. Огромная, почти колоссальная фигура его, как-то выдающаяся в корпусе, в животе, – кидалась в глаза, как ни на какую другую в его ученой “братии” не похожая. Вся толпа их, вся линия тогдашних профессоров – была щупленькая, худенькая; и как говорили по крайней мере студенты, среди которых я находился, – “они были все бедны, кроме профессоров медицинского факультета”, которые имели средства уже не как профессора, а как в то же время и практикующие врачи. Вот к этим-то независимо поставленным профессорам из всего состава трех остальных факультетов принадлежал и Максим Максимович Ковалевский, о котором среди студентов известно было, что он происходит из богатой дворянской семьи, имеет годового дохода что-то около 15 000, делает у себя приемы товарищей-профессоров... И к этому прибавлялось, что, как человек обеспеченный, он держит себя вполне независимо в качестве профессора и ученого, не только перед попечителем учебного округа, тогда графом Капнистом^{19}, но и перед министерством просвещения <...>.*

Университет был, – как я его помню за все время моего учения, – распущенный. Под железным “скипетром” (министерским) Толстого^{20} – все равно шла всю проповедь с кафедры позитивизма, материализма, не явного, но и не скрытого атеизма, начинавшегося тогда «катедер-социализма», т.е. социализма ученого, без бунта, а в смысле тихого и медленного государственного переворота. Такова ранняя фаза никогда еще не провозглашавшегося громко марксизма. Несмотря на управление Толстого и Победоносцева^{21*} (в начале царствования Александра III), на громы Каткова^{22*} и речи И.С. Аксакова^{23*}, издававшего в то время газету “Русь”, – никто не был “славянофилом”, никто не называл себя и “просто-русским человеком”, а в сущности все были членами космополитическо-европейских партий, и все мы бились, в Европе и в России, за разные европейские знамена, европейские лозунги и программы, без единой русской программы. <...>*

Макс. Макс. Ковалевский был одною из самых ярких, пожалуй, даже – самую яркую фигуру этой профессуры и этого духа. Гораздо менее был замечен и гораздо менее выдавался около него профессор римского права – Серг. Муромцев^{24}.*

* В настоящей статье приведен текст с сокращениями на основе газетной публикации 1916 г. Полностью статья В.В. Розанова опубликована в Собрании соч. В.В. Розанова (См.: *Розанов В.В. Собрание сочинений. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.)* / Под общ. ред. А.Н. Николюкина; коммент. В.Н. Дядичева, А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 621 с.).

Но они вдвоем составляли что-то общее, “дружественное” и наиболее обращали на себя внимание как студентов, так и все-университетского общества. Однако нельзя сказать, чтобы они были выдающимися научными именами. В то время как Буслаев^{25*}, Тихонравов^{26*}, Соловьев^{27*} и Ключевский^{28*} имели в науке общерусскую значительность, и их знали как «своих» в Казани, Харькове, Киеве, знали везде и в провинции; ни Муромцев ни Ковалевский отнюдь не пользовались общерусским признанием и даже общерусской известностью. Они были “светилами” своего факультета и самое большое – Москвы.

Из них Муромцев был уже совершенно сер и обыкновенен. Правда, он издал “Курс римского права”, – но именно можно сказать “издал”, а не написал. Дело в том и, пожалуй, печальный секрет в том, что наука, именно, римского права, разрабатываемого исторически и обрабатываемого исторически с XVI и XVII веков, уже до такой степени во всех мелочах гениально построена и до скрупулезности выверена, что и преподавать ее “талантливо” и даже писать по нему огромные книги – может даже тупица. Тут нужна только библиотека и справки, прилежание компилятора и бумага для печатания. Сколько-нибудь новое, сколько-нибудь свежее слово может здесь сказать лишь человек колоссальных способностей, – каких именно на юридическом факультете у нас, увы, никогда почему-то не появлялось. Таким образом, горел и сиял ну хоть “московскою знаменитостью” один Макс. Макс. Ковалевский. Прекрасный собою, живой, речистый, – с прекрасными живыми глазами, в которых светился ум и была всегда грусть, – он особенно очаровывал студентов и публику на диспутах при защите ученых диссертаций. Здесь каждое его выступление оставляло впечатление. Затем он издавал, вместе с филологом Миллером^{29*}, «Критическое обозрение»^{30*}, на которое я помню студентом был подписан; но журнал был тусклый, при всей яркости его статей. Дело в том, что в статьях раздавались резкие отзывы о новых диссертациях филологического и юридического содержания. Но и сами диссертации были не Бог весть какого содержания, и критические о них статьи, вернее, заметки в 2–3–4 страницы, не отличались особой содержательностью. Все было тускло по самому предмету <...>.

Собственно ученые заслуги Макс. Макс. Ковалевского незначительны, хотя он и является автором множества трудов. Потому-то он не был ни мыслителем, ни монахом-эрудитом. Он был человеком богатейшей восприимчивости и впечатлительности – это одно, и человеком огромной памяти, при чем уже само собою им одолевались иностранные языки и прочитывались и запоминались длиннейшие вереницы фактов, длиннейшие полки книг, притом по разным смежным областям знания. Он был русским “энциклопедистом”, т.е. человеком, который “все знает”, о всем “может судить”, об очень и очень многом даже может писать, но без того, чтобы его труд осветил по-новому какую-нибудь область. Но при живой впечатлительности и преданности общественному началу – он мог с необыкновенною быстротой обработать серии фактов в политической истории и средневековой Европы и новой Европы. Здесь – не то, что в римском праве, и в круге фактов, и в смысле теории. Там все ясно и обдуманно, и ничего нового неоткуда взять сверх того, что лежит в греческих и римских памятниках, несчетное число раз изданных и всячески комментированных. Здесь же каждый уголок какого-нибудь графства Англии, какого-нибудь кантона Швейцарии, какой-нибудь области Франции, представляет сво-

«Наследие» № 2 (15) (2019) еобразии экономического и политического строительства. “Смотри и срисовывай”, “читай в древних хрониках и обобщай, разъясняй”. Словом, политическая история Европы, еще вовсе не обработанная ни в целом, ни даже в частях своих, являет грудку сырого юридического материала для описания и для теоретических выкладок: и здесь широкая и живая натура Ковалевского могла взять себе много ученой “дани”. И все это было разнообразно; и все было без цензуры в себе. Суть Ковалевского – что он жил, бодрил людей, а не то, чтобы их научал и руководил. Он был более друг, чем наставник, и более соучастник, нежели вождь – по всем свойствам своей широкой, раскиданной натуры, хочется сказать – своей славяно-русской натуры после Петровского времени. До Петра мы умели быть сосредоточенными, после Петра мы редко это умеем. Ковалевский – одна из широких и безмерных, и верующих фигур эпохи от Грибоедова до нас. В нем множество характерных черточек этого изумительного столетия, где за столь немногие годы, объемом всего в две полные человеческие жизни (50 лет + 50 лет) создалась собственно целая своеобразная “русская культура”.

О нем не говорили бы так много, как говорят сейчас, если бы он умер как приличествует умереть профессору-социологу, позитивисту и юристу. Тогда бы помянули его краткие и неясные ученые заслуги, и его государственную деятельность, которая, впрочем, имеет характер рассыпавшейся кучи песку. Но он умер вовсе не так. Он умер обыкновенно, хорошо и по-русски.

Он не сделал перед смертью и в смерти той скверной гримасы, которую, вероятно, собираются сделать его политические единомышленники, происходящие от Дарвина и его верной обезьяны. И возмутились духом окрест. “Как? Что? Каким образом?” Случилось, т.е. вокруг него, то же, что вокруг гроба и похорон известного Богучарского^{31*} (литературный псевдоним Яковлева), – написавшего “Историю русских политических движений конца XIX века”, – которого по теме этого главного труда его жизни считали если не первомартовцем^{32*}, то, во всяком случае, скрытым революционером; считали и так прославляли при жизни, и так прославили при похоронах.

Между тем это было совершенно не так, – с Богучарским-Яковлевым и с М.М. Ковалевским. Нужно разобраться. Жизнь наша есть странствование, а при странствованиях приходится очень далеко заходить от места первоначального своего отправления. Уже эпоха наша такая, – эта поразительная эпоха от Грибоедова до декадентов и М. Горького.

У кого мы не учимся? В какие науки не приходится заглянуть, какой поэзии не читаешься? Ходишь во всех фасонах, носишь всякие сапоги. Да, но это – не то, “в чем родила матушка”. Школа всегда не то, что рождение. Важно, помним ли мы родину, помним ли “извод” свой, свой “исход” – припоминая связь евреев с Египтом, положившей начало ветхозаветной Пасхи. Иногда это совершенно забывается до вырывания с корнем. С кем же, однако это случается? С людьми жестокими и грубыми, с людьми жестокими или ожесточенными несчастьями биографии. Но вообще тут – бедность, жалость и нищенство натуры. Чуть натура подороже, понежнее – она не забывает “Египта, где мы имели мясо в котлах, и ели перепелов”^{33*}.

* Розанов отправляет читателя к повествованию о манне небесной в Ветхом Завете (Исход. Гл.16).

В древности произошло то, чему судьба – происходит и вечно. И Богучарский-Яковлев, и Макс. Ковалевский – были добрые русские натуры, которых вообще ненависть и злоба на Россию и хотя бы “на наш ненавистный государственный строй” – невыносима до конца; или по крайней мере “в гроб с собою” они не захотели ее взять; не захотели положить змею с собой в могилу.

И вот – простое разъяснение дела, о котором много гадают и скверно сплетничают. Что Ковалевский был “позитивист”, т.е. следовал философии Огюста Конта^{33*}, который сверх “*La philosophie positive*” сочинил и новую свою «позитивную религию», где вместо «святых» и «праздников» были выставлены для поклонения человечества имена ученых и великих изобретателей и дни замечательных открытий. Эта смешная подмена французским инженером (Конт был инженер) религии – “учеными интересами” нисколько не могла тронуть и увлечь М.М. Ковалевского, выросшего в деревне, а не около городских фабрик, помнившего простого нашего сельского батюшку, а не французского иезуита, с его политикой и ухищрениями. Да и помогла тень усопшей матери, русской провинциальной помещицы. Все это было овеяно васильками и рожью, бытом и историей, а не длинной хроникой какого-нибудь сословия клерков или класса писателей. И из него не вышло бездушного и черствого Вольтера, не вышло интеллигентного Макса Штирнера^{34*}. Самый позитивизм он взял как метод работы, без его религиозных надстроек. И вот пришла смерть. Пришел конец всего недоделанного и только начатого, всего неверно сделанного и всего хорошо сделанного. Всему конец, конец самому лицу. У некоторых и перед этим страшным концом не растаивает сердце, – они и в нем продолжают играть свою маленькую литературную роль, свою газетную роль. Но не таков был, не так мелочен и безнатурен старый московский профессор. Вспомнил он двух матерей, – ту маленькую, давно схороненную матушку, которая дала ему физическое рождение; и ту великую Мать, нашу общую русскую Мать, – которой называет только одну свою Церковь русский народ. Одна мать его родила, другая мать его крестила “во оставление грехов и жизнь вечную”. И он подошел к ним, оставив для политических и литературных друзей, окруживших его предсмертное ложе, одни шуточки насчет икры и шампанского, которые были им наиболее понятны в строй их жизни, проходившей как шутка и икра.

И вот заспорили, когда он лежал уже бездыханным – “Как?”, “Что?” и – “Почему?”. Но так все понятно и не о чем спорить. Он был русский; а посему и жил как русский, и умер как русский. О русских же сказано давно, что они жить не умеют и, живя, – “за собою не гоняются”. А вот придет последний час, и русский умирает величаво и истово. Ковалевский вспомнил перед смертью простое существо, ему, конечно, самое дорогое – мать свою. Не естественно ли, не ясно ли? Изрек глубочайшее перед кончиною слово, – что “идет с нею увидеться – там”. Это та вера, которой нас учил Христос; и та вера, которой научал людей уже язычник Платон. Опять, не ясно ли? Он приложился умом и душою к мудрым, без раздражения, и без спора отодвинул в сторону мелочную и хвастливую мудрость своих дней, своего вот “позитивного века”. Ведь это век характерного мещанства, прежде всего умственного мещанства. Очень просто: Ковалевский стоял выше друзей сво-

* «Курс позитивной философии» (фр. «Cours de philosophie positive», т. 1–6, 1830–1842).

их, точнее – своих политических и литературных товарищей. И они раскрыли рот в удивлении: “так мы не первые? не лучшие?”. Но кто же, кроме самих их, наговорил им, что они – первые и мудрейшие? Сокол между ними вылетел и улетел в соколиное гнездо. Вороны остались и им остается вернуться в свои вороны гнезда. В. Ветлугин» [Ветлугин, 1916, с.3].

Нужно отметить, что в 1916 г. о М.М. Ковалевском писали многие, а после Русской революции 1917 г. забыли и о нем самом, и о его похоронах, вызвавших резонанс в обществе. Если в 1916 г. представители разных идеологических течений использовали любое значимое событие как повод для открытого обсуждения той или иной политической платформы, как катализатор массовых волнений и протестов, то в 1917 г. все изменилось. Огромная страна была вовлечена в водоворот революции и реального политического процесса, поэтому обсуждение практик и ритуалов, связанных с рождением и смертью, стали уже никому не интересны. Тем более, что если до революции в России регистрацию актов гражданского состояния выполняла Русская православная церковь, то одним из первых декретов Совета народных комиссаров РСФСР был декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», которым предусматривалось обращение граждан в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе для регистрации брака, рождения ребенка и для составления акта о смерти лица. Таким образом, всего лишь одним декретом нового правительства были заложены механизмы глубинных трансформаций ритуальных практик и обрядов перехода, существовавших в российском обществе не одно столетие.

В рамках настоящей публикации представлены наиболее яркие из статей, посвященных уходу из жизни Максима Ковалевского и отражающих накал политической борьбы и мировоззренческий кризис в российском обществе. На страницах газет авторы статей сравнивали уход из жизни Максима Ковалевского и Льва Толстого, тем самым демонстрируя две полярные и непримиримые позиции.

Л.Н. Толстой после встречи с архиепископом Парфением (Левицким)^{35*} 20 января 1909 г. сделал в дневнике запись о том, что для него принципиально невозможно возвращение в Церковь, покаяние перед смертью и причастие: *«Говорю это потому, что есть люди, для которых по их религиозному пониманию причастие есть некоторый религиозный акт, т.е. проявление стремления к Богу, для меня всякое такое внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога. Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло»* [Толстой, 1952, с.16–17]. Скромная могила без креста у оврага в Ясной Поляне, небольшой зеленый холмик...здесь нашел покой великий русский писатель. Уже более века миллионы людей приходят отдать дань памяти великому гуманисту с мировым именем.

Могила Максима Ковалевского находится в самом сердце православной культуры Санкт-Петербурга – на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. Не избежала она и актов вандализма: сначала исчез бюст М.М. Ковалевского, а потом

и крест... Спустя годы, уже в XXI в., после возрождения социологического образования в России благодаря личной инициативе почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета Асалхана Ользоновича Бороноева и поддержке российского социологического сообщества была восстановлена заброшенная могила М.М. Ковалевского, а в 2006 г. была установлена мемориальная доска на доме (Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 22), где жил социолог ушедшей эпохи.

Комментарии

- ^{1*} «Колокол» – ежедневная политическая, общественная, литературная и церковная газета. Издавалась в 1905–1917 гг. В 1910-е гг. ее тираж составлял 7 тыс. экземпляров. Ред.-изд. – В.М. Скворцов.
- ^{2*} «Биржевые ведомости» – ежедневная политическая, экономическая, общественная и литературная газета. Издавалась в 1861–1917 гг. в Петербурге. С 1893 г. выходила два раза в день, а ее тираж составил 8 500 – 12 000 экз. Ред.-изд. – И.И. Ясинский и С.М. Проппер.
- ^{3*} Епископ Симеон (в миру Сергей Иванович Бычков; 1882–1952) – епископ Русской православной церкви, епископ Лужский, викарий Ленинградской епархии. С 6 апреля 1912 г. по 30 апреля 1922 г. – настоятель храма святых Симеона и Анны в Санкт-Петербурге.
- ^{4*} Епископ Анастасий (в миру Александр Иванович Александров; 1861–1918) – епископ Православной Российской Церкви, епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии. Ученый-славист. Последний ректор Санкт-Петербургской (с 1914 – Петроградской) духовной академии.
- ^{5*} Николай Андреевич Белоголовый (1834–1895) – русский врач, литератор и общественный деятель. Белоголовый во время предсмертной болезни Н.А. Некрасова руководил вместе с С.П. Боткиным его лечением. После смерти Некрасова Белоголовый напечатал в «Отечественных Записках» (1878, № 10) вызвавшую общественный резонанс, полную медицинских подробностей историю его болезни.
- ^{6*} Матвей Семёнович Башкин (XVI в.) – представитель реформационного движения. В Великий Пост 1553 г. Башкин пришел на исповедь к Симеону – священнику московского Благовещенского собора, но он не ограничился покаянием, а стал учить священника, призывая его «бдеть о душах наших».
- ^{7*} Меньшиков М.О. Великий книжник // Новое время. № 14387, 27 марта (9 апреля) 1916 г. – С.5.
- ^{8*} «Земщина» – российская ультрареакционная монархическая ежедневная газета, издавалась в Санкт-Петербурге с июня 1909 г. до февраля 1917 г. С 1915 г., после того как издателем стал Н.Е. Марков, газета стала печатным органом «Союза русского народа».
- ^{9*} Проппер Станислав Максимилианович (185(?)–1931) – издатель-редактор газеты «Биржевые ведомости» с 1880 г.
- ^{10*} Кутель Иона Рафаилович (1873–1941/42) – российский журналист, редактор ряда печатных изданий: «Киевская мысль», «Огонек», «Литература и искусство», работал в «Красной газете».
- ^{11*} Гессен Яков Матвеевич (Шмуэль Мунишевич) (1869–1942) – юрист, издатель, переводчик, сотрудник Российской национальной библиотеки.
- ^{12*} «Новое время» – одна из старейших авторитетных российских литературно-политических газет. Издавалась в 1868–1917 гг. в Петербурге. До 234-го номера в 1869 г. выходила 5 раз в неделю, затем ежедневно. С 1881 г. выходило 2 издания – утреннее и вечернее. С 1891 г. издавалось еженедельное иллюстрированное приложение.
- ^{13*} Рязанский В. – предположительно: Скворцов Василий Михайлович (1859–1932) – тайный советник, известный миссионер, общественный деятель, участник монархического движения, издатель газеты «Колокол».
- ^{14*} «Приходский листок» – ежедневная газета, издававшаяся Святейшим правительствующим синодом в Петрограде (1914–1916). Ред.: М.А. Остроумов, П.П. Мироносицкий.
- ^{15*} Епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов или Долганёв; 1858–1918) – епископ Православной Российской Церкви. Черносотенец. Прославлен в лике святых РПЦ в 2000 г. В 1910 г. на миссионерском съезде в Казани, выступив с речью «Интеллигентское язычество нашего времени», предложил отлучить от церкви Леонида Андреева, Дмитрия Мережковского и Василия Розанова.
- ^{16*} Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846 – 1912) – епископ Православной Российской Церкви; с 1898 г. – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; с 1900 г. –

- первенствующий член Святейшего Синода. Поставил свою подпись под определением Святейшего Синода об отпадении от Церкви графа Л.Н. Толстого, после чего написал два письма графине С.А. Толстой, в которых пытался объяснить ей смысл действий Синода.
- 17* Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) – лидер толстовства как общественного движения, близкий друг Л.Н. Толстого, редактор и издатель его произведений.
- 18* Розанов Василий Васильевич (псевд.: В. Ветлугин, 1856–1919) – русский религиозный философ, литературный критик, публицист, педагог. Один из учредителей Религиозно-философских собраний (1901 – 1903), преобразованных в 1907 г. в Петербургское религиозно-философское общество.
- 19* Капнист Павел Алексеевич (1842–1904) – российский чиновник, прокурор Московской судебной палаты, с 1880 г. – попечитель Московского учебного округа и Московского ун-та, с 1895 г. – сенатор.
- 20* Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – русский государственный деятель, историк, обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), член Государственного совета (с 1866 г.), сенатор.
- 21* Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель, юрист, публицист, историк церкви, профессор Московского ун-та. С 1872 г. – член Государственного совета, в 1880–1905 гг. – обер-прокурор Святейшего Синода. Идеолог крайней реакции и политики контрреформ, автор Манифеста 8 марта 1881 г. «О незыблемости самодержавия».
- 22* Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, литературный критик, издавал газету «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник», основоположник русской политической журналистики, придерживался консервативно-охранительных взглядов.
- 23* Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения. Издавал целый ряд славянофильских газет и журналов: «Парус», «Пароход», «Русская Беседа», «День», «Москва», «Русь».
- 24* Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – российский правовед, публицист, основоположник конституционного права России, профессор Московского ун-та. Председатель Первой Государственной думы (1906), один из основателей и лидеров партии кадетов.
- 25* Буслав Фёдор Иванович (1818–1897) – российский лингвист, историк искусства, глава русской мифологической школы, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.
- 26* Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – российский филолог, археограф, историк русской литературы, ректор Московского ун-та, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.
- 27* Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк, профессор Московского ун-та, ректор Московского ун-та, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, директор Оружейной палаты Московского Кремля.
- 28* Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – российский историк, заслуженный профессор Московского ун-та, почетный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском ун-те, тайный советник, член Государственного совета от Академии наук и российских университетов (с 1906 г.).
- 29* Миллер Всеволод Фёдорович (1848–1913) – русский фольклорист, этнограф, лингвист и археолог. Основные научные исследования посвящены иранистике и русскому эпосу.
- 30* «Критическое обозрение» – журнал научной критики, с библиографией в области наук историко-филологических, юридических, экономических и государственных. Издавался в Москве в 1879–1880 гг. Ред.-изд.: Вс. Миллер, М. Ковалевский. Некоторые из помещенных в журнале статей имеют значение самостоятельных исторических исследований, до сих пор не потерявших научной актуальности. М. Ковалевский в эти годы был профессором юридического факультета Московского ун-та.
- 31* Яковлев Василий Яковлевич (псевд. – Богучарский, Базилевский) (1861–1915) – писатель, историк революционного движения в России, публицист, редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы», народник.
- 32* «Процесс 1 марта 1881 г.» или «Процесс первоапрельцев» – судебное дело в Особом присутствии Правительствующего сената 26–29 марта 1881 г. над членами «Народной воли», участвовавшими в подготовке и осуществлении убийства императора Александра II 1 марта (13 марта) 1881 г.
- 33* Огюст Конт (1798–1857) – французский философ – позитивист, основоположник социологии.
- 34* Штирнер Макс (псевд.; наст. имя и фам. – Каспар Шмидт) (1806–1856) – немецкий философ-младогегельянец, теоретик анархизма.
- 35* Архиепископ Парфений (в миру Памфил Андреевич Левицкий; 1858–1922) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Тульский и Белёвский.

Литература

- Бычков С. Письмо священника // Земщина. 1916, 6 апреля (Среда), № 2319 (88). – С.3.
- Ветлугин В. Литературные беседы. М.М. Ковалевский // Колокол. 1916, 17 апреля (Воскресенье), № 2975. – С.3.
- Высоко-прогрессивный секретарь // Земщина. 1916, 30 марта (Среда), № 2313 (82). – С.2.
- Гаврин Д.А. Газета «Земщина» и ее редактор С.К. Глинка – Янчевский // PR и реклама: Традиции и инновации. 2011, № 6–1. – С.57–60.
- Е.К. Перед лицом смерти // Земщина. 1916, 2 апреля (Суббота), № 2316 (85). – С.2–3.
- Ломоносова М.В., Васильева Д.И., Козловский Н.В., Агеева А.И. Похороны Максима Максимовича Ковалевского. Некрологи и посмертные сообщения в периодической печати как источник информации в историко-социологических исследованиях // Наследие. 2019, № 1 (14). – С.144–160.
- Похороны М.М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 2-е издание. 27 марта (Воскресенье), 1916, № 84. – С.4.
- Рязанский В. Около церкви. «Не судите никак прежде времени» // Колокол. 1916, 6 апреля (Среда), № 2968. – С.1.
- Сорокин П.А. Исповедь М.М. Ковалевского // Биржевые ведомости. 2-е издание. 29 марта (Вторник), 1916, № 86. – С.2.
- Стогов Д.И. Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. «История». 2011, № 1. – С.101–112.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 57. Дневники и Записные книжки. 1909. М.: Изд-во «Художественная литература», 1952. – 430 с.

References

- Bychkov S. Pis'mo svyashchennika [A letter of the priest]. Zemshchina. 1916. April 6 (Wednesday), no 2319 (88), p.3.
- Vetlugin V. Literaturnye besedy M.M. Kovalevskij [The literary conversations. M.M. Kovalevsky]. Kolokol. 1916. April 17 (Sunday), no 2975, p.3.
- Vysoko-progressivnyj sekretar' [The highly progressive secretary]. Zemshchina. 1916. March 30 (Wednesday), no 2313 (82), p.2.
- Gavrin D.A. Gazeta «Zemshchina» i eyo redaktor S.K. Glinka – Yanchevskij [The newspaper «Zemshchina» and its editor S.K. Glinka – Yanchevsky]. PR i reklama: Tradicii i innovacii. 2011, no. 6-1, pp. 57–60.
- E.K. Pered licom smerti [In the face of death]. Zemshchina. 1916. April 2 (Saturday), no 2316 (85), pp.2–3.
- Lomonosova M.V., Vasilyeva D.I., Kozlovskiy N.V., Ageeva A.I. Pohorony Maksima Maksimovicha Kovalevskogo. Nekrologi i posmertnye soobshcheniya v periodicheskoy pechati kak istochnik informacii v istoriko-sociologicheskikh issledovaniyah [The funeral of Maxim Maksimovich Kovalevsky. Obituaries and posthumous publications in the periodical press as a source of information in historical and sociological studies]. Heritage. 2019, no. 1 (14), pp. 144–160.
- Pohorony M.M. Kovalevskogo [The funeral of M.M. Kovalevsky]. Birzhevye vedomosti. Edition 2. March 27 (Sunday). 1916, no 84, p.4.
- Ryazanskiy V. Okolo cerkvi. «Ne sudite nikak prezhde vremeni» [Near the church. «Do not judge before time»]. Kolokol. 1916. April 6 (Wednesday), no 2968, p.1.
- Sorokin P.A. Ispoved' M.M. Kovalevskogo [The confession of M.M. Kovalevsky]. Birzhevye vedomosti. Edition 2. March 29 (Tuesday). 1916, no 86, p.2.
- Stogov D.I. Russkaya pravaya periodicheskaya pechat' v gody Pervoj mirovoj vojny [The Russian right periodical press during the First World War]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Series «History». 2011, no. 1, pp. 101–112.
- Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah. Tom 57. Dnevnik i Zapisnye knizhki. 190 [The complete collection of works in 90 volumes. Vol. 57. Diaries and notebooks. 1909]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1952, 430 p.